

Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ

<Рец. на кн.:> **Андрей Белый. Возврат.**

III симфония

М., 1905. Стр. 126. Ц. 1 р.

«Иные говорят, что искусство для жизни, а иные — что жизнь для искусства. Но если искусство — копия жизни, то оно излишне при наличии оригинала. И соображением об идейности вы не измените моего взгляда» («Возврат», с. 81). «Может быть, наши капризы разлагаются на железные законы необходимости. Или законы необходимости — только привычки, укоренившиеся в веках» (П., с. 83). Так говорит устами героя-магистранта Хандрикова г. Белый. Хандриков грубо путает две вещи: искусство *для* жизни и искусство как *копию*, как *рабу* жизни. Очевидно, в этом противуположении искусства для жизни и жизни для искусства кроется только игра слов, без внутреннего содержания; искусство есть элемент жизни, его неотделимая составная часть, и нельзя, следовательно, навязывать им раздельное, взаимно-противуположное бытие. Весь вопрос только в том, *каково* искусство, здоровое ли оно, ясное, жизненно-нужное, «железно-необходимое» (см. цитату) или — взвинченное, пустое, надуманное, «капризное». И «симфония» г. Белого есть именно *ненужный*, хотя и блестящий местами *каприз*...

«Симфония» состоит из трех частей, постепенно ведущих героя к «возврату»: ребенок с ясной, близкой к вечности и природе душой вырастает в магистра химии, окунается в повседневность, заболевает прогрессивным параличом, обретает спокойствие безумия, топится в озере и «возвращается» в лоно первобытной ясности. Сотни символов, иногда действительно оригинальных, а иногда грубо выдуманных и аляповатых, рисуют пантеистический восторг ребенка и его родство с морем, с краббом, с «снежно-серебряным стариком», у которого на груди сияет «знак вечности», с солнцем, с орлом — его будущей судьбой, его безумием. Отметим здесь же одну странную и характерную особенность кни-

ги — склонность к аллитерации, к сближениям по звуковой ассоциации; это, по-видимому, находится в связи с прогрессивным параличом героя. *Орел* этот необычный: это «высокий пернатый муж с птичьей головой»; «белые перья топорщатся на шее». Он явится к герою, «когда наступит развязка», когда Хандрикову придет время сойти с ума. Он действительно и является, в виде психиатра доктора *Орлова*, и везет его в санаторию на станцию *Орловка* (курсив в подлиннике). Или вот еще пример:

Весело *чирикали* воробьи. В книжных магазинах продавали рассказы *Чирикова*.

Итак, ребенок увидел свою судьбу — орла и отныне обречен страдать с людьми и от людей. Вторая часть застаёт героя уже магистрантом Хандриковым; он беден, харкает кровью, имеет жену (Софью Чижиковну почему-то) и «неприятного, дряблого ребенка». Есть у него враг — доцент Ценз с мертвенным лицом-маской и «с глубиной и юмором речи»; ненавидит его Хандриков еще с того времени, как, ребенком, провел с ним в гроте несколько неприятных часов; Ценз был тогда чудовищем, приплыл к ребенку на спине морской змеи с головой теленка и по приказанию этой змеи разрушил своими хитрыми и жестокими рассказами душевную ясность ребенка. Озлобленный Цензом, он напивается в погребеке допьяна; вернувшись домой, застаёт Софью Чижиковну внезапно заболевшей, жена вскоре умирает, он сходит с ума и поселяется в *Орловке*. И т. д., и т. д., целый поток бредовой лавы, целое море безудержных, некоординированных, бессвязных образов и представлений. И это очень, очень жаль: г. Белый безусловно умный и талантливый человек, повинный только в том, что выше всего поставил необузданный «каприз».

«Низкое облачко, волнуясь и дымясь, заколебалось над морем и потом, разорвавшись от восторга, понеслось куда-то вбок своими связанными обрывками». «Ослепительная синь, заслоняемая пышно-водяными куполами, пьяно смеялась над гранитами». «Бледноснежные, длинные иглы, высоко замерзшие в небесах, составляли перистое облако. Точно позабытая сеть, оно двигалось по небу. Засверкавший месяц попал в эту сеть и грустно мерк, пойманный в ловушку». «Одинокое сердце его почуяло неведомую близость кого-то, уходившего надолго и снова пришедшего для свиданий». Не правда ли, свежие, оригинальные поэтические строки? Но вот другие, гораздо более частые, подавляющие обилием примеры: «Зазвякали высыпающие звезды». «Его поцеловало головокружение». «Залегает сонный ужас между кораллами». «Морской гражданин, лысый, зеленобородый, курносый... испуская ревы, похлопывал себя по вздутому животу». «Бык Баранович Мясо казался дельфином в енотовой шубе». «Быть может,

наш мир, — глубокомысленно думал Хандриков, — это — только конка, везомая тощими лошадьми вдоль бесконечных рельсов»... «И вспомнил Хандриков, что еще до создания мира конки тянулись по всем направлениям». «Его увидели пеленами. Облеченный в белые одежды ухватился за щеку Х—ва и намылил ее»; так торжественно описывает автор визит в парикмахерскую. Еще одна глубокая мысль героя. «Другие Х—ы вот так же моются в бане. Все Хандриковы, посеянные в пространстве и периодически возникающие во времени, одинаково моются». Это положение еще более бесспорно, чем тезис Картинкина в «Авдотьинной жизни» г. Найденова о том, что «все мы Авдотьи...»¹ Последняя цитата: «Быть может, вселенная — только колба, в которой мы осаждаем как кристаллы, причем жизнь с ее движением — только падение образовавшихся кристаллов на дно сосуда, а смерть — прекращение этого падения... Быть может, вы правы, и мы упадочники в своем развитии, а может быть, всякое развитие идет к упадку. И жизнь — последовательное вырождение, подготовляющее смерть». Так думает Хандриков, но как можно жить и, главное, работать и любить жизнь при таком отношении к ней? Жизнь, это преемственное «immer vorwärts»*, представляется ему наклонной плоскостью, ведущей к смерти и вырождению... Довольно этого ужаса пустоты, этого холода безвременья! Довлеют дневи новые, добрые песни, новые, сильные певцы!

* «всегда вперед» (нем.).